

18 Владимир Николаевич Исаев

Славяне

Владимир Исаев

Славяне

«Издательские решения»

Исаев В. Н.

Славяне / В. Н. Исаев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982397-7

«Вот и отомщу я врагу за гибель моего рода, — весело подумал Яромир, примеряясь, как бы половчее всадить лезвие в тело половца. — Может, сегодня и встречу с братьями, сёстрами своими». Дикая крики и вытаращенные безумные глаза кочевников могли привести в ужас даже самого смелого из славян. И только мысль, что за спинами их находятся жены и дети, участь которых будет намного ужасней, чем смерть на поле брани, придавала мужества и сил биться с многочисленным и страшным врагом.

ISBN 978-5-44-982397-7

© Исаев В. Н.
© Издательские решения

Содержание

На отшибе	6
Медведь	10
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Славяне

Владимир Николаевич Исаев

© Владимир Николаевич Исаев, 2024

ISBN 978-5-4498-2397-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На отшибе

Высокая рубленая изба с двускатной глиносоломенной крышей и крытой площадкой перед входом одиноко стояла на опушке берёзовой рощи. Округ неё расположились бревенчатые постройки несколько меньшего размера. Всё подворье по широкому периметру опоясывала ограда, сплетённая из тёсаных жердей различной толщины.

Изба как изба, двор как двор. Типичное славянское селище. Но одна существенная деталь всё же отличала его от прочих поселений. На несколько вёрст вокруг не имелось больше ни одной живой души. А это было уже совсем не характерно для славянского народа, который предпочитал жить сообща, образуя крупные родовые общины. Впрочем, из каждого правила бывают исключения. Возможно, к таким вот исключениям и относились сиротливо уютящиеся возле самого леса хозяйственные постройки.

– Веселина, душа моя! Дома твой Яромир!

Крупный мужчина тяжело опустился на низкую скамью, стоявшую возле крытого крыльца массивной бревенчатой избы. Утерев кулаком пот со лба и откинув назад мокрые спутанные пряди русых волос, он расслаблено протянул утомлённые ноги, сбросив пыльные онучи наземь. Навалившись спиной на шероховатое бревно сруба, мужчина пошевелил усталыми пальцами, наслаждаясь прохладой зелёной травы. Несмотря на то, что солнце уже почти скрылось за горизонтом, духота стояла невыносимая, и наступающий вечер лишь слегка смягчил раскалённый воздух.

Из-за овина лениво высунулась собака. Грозно рыкнув для порядка и убедившись, что хозяин оценил её старания, пёс вновь скрылся в тени. Скрипнули подпятники двери, и на пороге появилась улыбающаяся молодая женщина лет двадцати, которая держала в руках большую глиняную кринку, наполненную до краёв терпким хлебным квасом.

– Умаялся, любимый мой? На вот... попей кваску холодненького. Только что с голбца подняла...

Мужчина взял из рук жены кринку и жадно припал к ней губами, крупными глотками осушая содержимое и не обращая внимания на тонкие струйки, стекающие по бороде и усам. Наконец, утолив жажду, он, крякнув от удовольствия, поставил посудину на скамью и, прищурившись, весело посмотрел на женщину.

– Ай да милая у меня жёнушка! Ай да догадливая! Знает, что уставшему труженику надобно в первую очередь.

Мужчина встал и обнял жену, ласково поглаживая её по светло-русой косе, спадающей по стройному стану до самых пят.

– Как там Миринушка наша? – слегка отстранился он от женщины.

– Пряжей занялась, песни поёт, да тятку с работы ждёт, – улыбнулась та, нежно проводя прохладной ладошкой по щеке мужа и вытирая капельки проступившего пота.

– Не рано ли ей за прялкой сидеть? – обеспокоился мужчина.

– Да где ж рано то? Ужо пять годочков нашей кровиночке исполнилось... в самый раз. Пойдём же, любимый мой... кормить тебя буду.

Веселина (так звали женщину) потянула мужа за руку, и тот безропотно двинулся вслед, тяжело шлёпая подошвами босых ног по площадке сеней, сбитой из плотно подогнанных толстых плах. Нагнувшись, он вошёл в жилую клеть избы, едва не ударившись лбом о низкую притолоку дверного проёма, и притворно кашлянул в кулак.

– Тато пришёл! Тато!

Раздался детский голосок, звенящий от радости. Навстречу ему со всех ног бросилась девчушка в вышитой незатейливым орнаментом белоснежной рубаше, перетянутой плетёной

ленточкой на поясе. Раскинув в стороны ручки, она со смехом подскочила к отцу и обхватила его колени. Мужчина поднял ребёнка и подбросил к потолку. Девочка взвизгнула от восторга и, крепко обняв его за шею, зашептала пухлыми губками на ухо:

– А я тебя давно поджидаю... я слышала, как мамка за квасом в голбец лазила. А я могу прясть уже... и репу варить научилась...

– Ах ты моя хозяйюшка! – мужчина крепко прижал дочь к груди. – Помощница наша единственная...

– Это пока единственная, – серьёзно посмотрела на отца Мирина. – Мамка сказала, что скоро у меня братик будет, а потом ещё пятеро... ведь правда, ма?

– Правда, правда... – рассмеялась женщина, лукаво взглянув на мужа из-под длинных пушистых ресниц.

Тот аккуратно поставил дочку на пол и подошёл к Веселине, приобняв её за тонкую талию.

– Неужели любя моя скоро подарит мне сына? Когда же случиться сие радостное событие?

– Так, пожалуй, к зимним морозам и ждать будем, – улыбнулась Веселина, покрасневшись от столь пристального внимания к своей женской природе. – Давай, Яромир, присаживайся... вечером будем. А про это самое опосля поговорим.

Она тихонько оттолкнула от себя мужа, который с тяжёлым вздохом и большим сожалением выпустил жену из рук и, подмигнув дочке, уселся на широкую резную лавку. Опустив тяжёлые ладони на крепкий берёзовый стол, он с грустью в голосе произнёс:

– Жаль наши родичи не увидят, не порадуются вместе с нами, не понянут на руках своих внуков и племянников. Всех сгубили вороги треклятые. Одни мы с тобой, Веселинушка, и остались.

– Не кручинься, Яромир! – женщина подошла сзади и поцеловала мужа в темя. – Теперь ты глава рода нашего и основатель. А родичи наши... видят они всё и радуются... там.

– Так, то-то и оно, милая, что там... – он помолчал немного и проговорил с лёгким надрывом в голосе. – Старейшина одного из родов кривичей... Берислав... пообещал принять нас. Хочешь ли ты этого, Веселинушка?

Женщина покачала головой и, наклонившись к мужу, жарко зашептала ему на ухо, обдавая щёку тёплым дыханием.

– Наш род плавян не исчез, не сгинул полностью, не развеялся пеплом среди пожарища. Ты – начало начал! Ты – продолжатель и основатель рода нашего. Ты – Яромир! Вот увидишь, возродятся плавяне, воспрянут новым семенем, расплодятся и разрастутся по родовым землям нашим. А предки наши и родичи, безвинно павшие под стрелами вражьиими, помогут нам. Поднимут дух и укрепят веру. Веришь ли моему слову, Яромир?

Мужчина опустил голову на грудь, но тут же, встряхнувшись, ласково похлопал жену по руке, что мирно покоилась на его натруженном плече. И сказал с улыбкой:

– Верю, Веселинушка... верю. Наполнила ты моё сердце радостью, а дух – крепостью. Да с женою такую мне ни голод лютей, ни мороз свирепый, ни ворог злобный – никто не страшен!

А что, любя моя, не пора ли нам отужинать? А ну... что у тебя в печи? Давай всё на стол мечи!

– Репа моя там... репа!

Сорвалась с места Миринка и, опередив мать, скрылась за холщовой занавеской, что ограживала печной угол от общей горницы. Веселина только руками всплеснула, когда пятилетний ребёнок, пыхтя и покраснев от натуги, извлекал из жаровни печи средних размеров горшок, обернув его прихваткой. С трудом подтащив к столу свою ношу, Миринка пропыхла:

– Тато, помоги... не поднять... тяжело больно...

Яромир подхватил горячую ёмкость руками и, даже не поморщившись, поставил её посреди стола.

– Вот оно, наше основное блюдо, – рассмеялся он, погладив дочку по голове.

Та, довольная собой, уселась на своё место, гордо поглядывая то на отца, то на мать.

– Ну что же... раз основное блюдо на столе, то и я внесу свою маленькую лепту во всеобщее благоденствие.

Веселина ненадолго скрылась за занавесью и, погремя для порядка кухонной утварью, вынесла каравай ржаного хлеба и крынку с простоквашей. Поставив всё это на стол, она припустилась рядом с дочкой и притихла, глядя на мужа любящими глазами.

– Восславим предков наших, покровителей рода нашего! Да помогут они нам в дни кручины! Да одарят днями сытыми и благолепными! Приступим же к кушанью!

Яромир взял большую деревянную ложку и опустил её в горшок с пареной репой, предварительно отломив приличный ломоть от каравая. Испробовав содержимое, он поднял очи вверх и произнёс, смешно причмокивая губами:

– Ох и сладка репка! Ох и вкусна! Ай, спасибо хозяйшке юной застряпню столь дивную! Миринка радостно захлопала в ладоши и защебетала весело:

– Правда вкусно, тато? Я старалась... правда, ма?

– Правда, правда... кушай, давай... не строчи, как сорока, – рассмеялась Веселина. – Знаешь наше правило?

Девочка часто закивала головкой и, пробормотав:

– Когда я ем, я глух и нем, – усиленно заработала ложкой.

– Значит, отказать мне Бериславу? Обидится он... от всего сердца предложил...

Яромир задумчиво глядел в закопчённый потолок, нежно обнимая прильнувшую к плечу жену. Небольшое прямоугольное отверстие под ним, служившее дымоотводом в избе, чёрным гипнотическим пятном притягивало взор мужчины. Оно казалось ему загадочным входом в потусторонний мир, где проводят вечность в благодати его далёкие предки. А совсем недавно к ним присоединились и остальные родичи... не по своей воле и не по времени...

Веселина подняла голову и, привстав на локте, внимательно посмотрела на мужа. Тусклый свет лучины обрамлял лицо Яромира загадочной тенью, и понять его выражение было невозможно. Но женщина и так знала, о чём думает и чего боится её супруг.

– А ты и не отказывай... по крайней мере, сразу. Ведь он принял тебя в свою артель на рубку леса под следующие посевные? Вот и потрудись покуда, как договорной работник, а там видно будет. У нас запасов на эту зиму с лихвой хватит. Корма для скота заготовлены. Скоро урожай овощей снимем. Зерна тебе Берислав обещал вдоволь дать, коли поможешь им со сбором урожая. Мы с Миринкой грибов, ягод ещё собираем, да засушим. Зимой охотой займёмся... проживём и одни как-нибудь.

Яромир молча слушал жену, погрузившись в какие-то свои глубинные мысли. Затем резко повернулся на бок, так что доски полатей жалобно скрипнули, и пристально взгляделся в бледный овал её лица.

– Скажи мне, Веселина: почему ты не хочешь влиться в племя кривичей и поселиться в городище Берислава?

– Ты же знаешь, Яромир, – грустно прошептала женщина, укутываясь густыми волосами, словно повоем. – Здесь наше городище. И мы не кривичи, мы плавяне.

– Как ты не поймёшь! – проскрежетал зубами мужчина. – Нет больше плавян! Тошно смотреть на выжженные дотла избы, на разросшиеся сотнями свежих курганов погребальные земли. А кривичи объединили уже десятки древних и знатных родов, в том числе и род Берислава. Их главное городище – Смоленск окружён высокими неприступными стенами. И заправ-

ляет всеми князь выборный во главе дружины большой, которая давно уже успешно отражает набеги вражеские... в отличие от нас. Наша обособленность нас и сгубила.

– Замолчи! – гневно сверкнула очами Веселина.

Яромиру на миг показалось, будто две яркие звёздочки ночного небосвода внезапно вспыхнули и погасли. – Пока мы живы, род плавян тоже будет жить! И ни что... понимаешь... ни что не сможет убедить меня в обратном. Я готова рожать ежегодно, лишь бы восстановить наш Род.

– Одна женщина не способна возродить целый Род, – печально улыбнулся Яромир, проводя кончиками пальцев по разгорячённому лицу жены.

– И пусть! Но пройдёт время, и мои сыновья возьмут в жёны девушек из других родов, и их сыновья сделают то же самое и...

– Фантазёрка ты моя... а если у нас будут одни девочки? – смеясь, перебил жену Яромир.

– А это уже от тебя зависит! – прошептала Веселина, приблизив вплотную своё лицо к лицу мужа. – Так что постарайся, милый мой, сделать как можно больше сыновей...

Их губы слились в долгом сладостном поцелуе, и догоревшая лучина сокрыла любовные игры супругов во мраке ночи.

Медведь

– Мирина... я корову подоила. Отведи её на пастбище!

– Хорошо, мама! Уже бегу!

Девочка, сладко зевнув, выскочила в сени, подёргивая плечиками от утренней прохлады. Солнце только-только показало свою золотую корону над верхушками деревьев и ещё совсем не грело. Остывшая за ночь земля застлалась плотным туманом и пахла сыростью. Зато птичья трель волшебной музыкой наполняла лесную чащу, отражаясь дивным эхом от каждого дерева и куста.

– Как хорошо-то!

Миринка восторженно прикрыла глаза, вслушиваясь в чудные звуки просыпающегося мира. И вприпрыжку побежала в хлев.

Холстяные онучи на её ногах быстро промокли от утренней росы, прочем, как и подол длинной, до пят, рубахи. Но девочка не обращала никакого внимания на эти неудобства. Она просунула тоненькие пальчики в щель и, уцепившись за дверь, потянула её на себя, оперившись обеими ногами о нижний венец сруба. Тяжёлая створка поддалась, и Миринка попятилась, привычно перебирая крохотными ножками по скользкой траве.

Из темноты раздалось протяжное мычание, и девочка осторожно вошла в хлев, стараясь как можно быстрее приучить глаза к полумраку.

– Сейчас, Пятнашечка, сейчас...

Бормотала она, надевая на рог толстую пеньковую верёвку. Для этого Миринке пришлось встать на большой сучковатый чурбак, что отец специально установил здесь для неё. Сбросив с рогатины жердь, перегораживающую выход из стойла, девчушка спрыгнула на землю и потянула верёвку за собой, перебросив её через плечо.

Корова медленно двинулась следом, обмахивая тучные бока длинным хвостом. Пастбище находилось недалеко от хозяйственных построек и представляло собой широкую лужайку, заросшую высокой сочной травой.

Миринка подошла к месту, где был вбит кол для крепления верёвки, и покачала головой. Почти всё пространство вокруг него было практически лишено растительности и истоптано коровьими копытами. Нужно было переходить дальше. Девочка попробовала выдернуть берёзовую палку из земли, но не смогла даже пошатнуть её.

– Надо звать отца, – вздохнула Миринка, обращаясь к корове. – Потерпи немного, Пятнашечка. Я мигом!

Она набросила верёвку на кол, не забыв хорошенько затянуть петлю, и побежала во двор. Зайдя в избу, девочка негромко позвала:

– Тато?

– Нет его уже, дочка, – послышался из кухонного закутка голос матери. – На покос уехал. «Ну вот, – грустно подумала Миринка, – опять со мной забыл попрощаться!»

Она заглянула за занавесь. Мать деревянным скребком очищала печь от сажи и золы, выгребая её лопаткой в берестяной короб.

– Отвела Пятнашку пастись? – спросила женщина, не отрываясь от работы.

– Да, мама. Только я не смогла колышек на другое место переставить... на старом травки мало стало.

– Нашла тоже «колышек», – усмехнулась Веселина. – Этот колышек и мне, пожалуй, из тверди земной выдрать не удастся. Отец перестарался и вбил его слишком глубоко. Ну да ладно... пойду попробую. А ты, Миринка, займись прополкой репы, пока солнышко в полную силу не вошло. До полудня справишься?

– Постараюсь, ма...

Она взяла остро заточенную деревянную лопаточку и выскочила за дверь.

Веселина, прихватив короб с золой, последовала за ней. Вытряхнув на грядки пепел, она краем глаза проследила за дочерью, которая бойко принялась за работу, ловко подковыривая лопаточкой корни сорняка и выдёргивая его прочь.

Улыбнувшись девочке, Веселина взяла из хозяйственной клетки вёдра и, повесив их на коромысло, пошла к подземному ключу, что бил в сажнях десяти от подворья. Очень удобное место они с Яромиром выбрали для постройки нового дома, после того, как их городище сожгли кочевники. Странные они были какие-то... до ужаса странные и злобные. Убивали всех подряд: стариков, женщин, детей.

Обычно, насколько она знала из рассказов странствующих путников, что изредка посещали селение плавян, кочевники убивали лишь тех, кто оказывал вооружённое сопротивление. Молодых мужчин и женщин, кто не успевал прятаться в лесу, уводили в полон, предварительно разграбив дома. Но сами избы не жгли и стариков не трогали, коли те за мечи и рогатины не брались. Оставляли также маленьких детей, которые всё равно бы не выдержали длительного похода.

До их лесных поселений ни печенеги, ни впоследствии половцы ни разу не добивались, предпочитая разбойничать, не слишком отдаляясь от своих излюбленных степей. Откуда взялись возле городища плавян те нелюди, никто до сих пор не знает. Никто не знает даже, куда они потом подевались. Крупный отряд в триста конных воинов, сделав своё чёрное дело, исчез без следа, растворившись в бескрайних дремучих лесах.

Подкрались под утро, окружив городище плотным кольцом. Убили охрану и... в общем, убили двести тридцать невинных душ. Весь род под корень вырезали. Только они втроём и остались. И то лишь потому, что Яромиру вздумалось ехать торговать к соседям. К тому самому Бериславу, который так настаивает на их переселении.

Яромир думает, что други они. Но сама Веселина сердцем чувствовала, что не так это. Приглянулась она Бериславу. Он глава рода, и ещё неизвестно, что может случиться с её супругом под его началом.

Правда, надо отдать ему и его соплеменникам должное. Помогли они захоронить всех плавян и возвести погребальные курганы.

Веселина тяжело вздохнула и поставила полные вёдра возле коровы. За раздумьями она даже не заметила, как сходила к ключу и дошла до пастбища.

– На... пей, Пятнашка, – женщина поставила одно ведро под морду коровы, а из второго принялась поливать берёзовый кол, который цепко держала в своих объятиях высохшая земля.

С трудом расшатав размягчённую почву, она вытащила его и, отойдя в густую траву, воткнула там. Неподалёку лежала деревянная колотушка, которой Яромир и вбивал колья в землю. Попробовала поднять. Получилось только закинуть на плечо. Тяжела дубинка. Собравшись с силами, Веселина скинула её сплеча, точно попав по вершине деревяшки. Кол немного вошёл в дерн. Здесь, в густой траве, грунт был значительно мягче. Женщина подняла колотушку ещё раз и вновь удачно попала.

Всё, кажется, хватит. Кол сидит в земле достаточно прочно. Веселина накинула на него верёвочную петлю и, подхватив вёдра, направилась к избе. Нужно было намолоть муки, чтобы к вечеру испечь хлеб. Солнце начало жарить совсем уж немилосердно. А скоро оно будет в зените, и тогда наступит настоящее пекло.

Веселина поставила вёдра в клеть и пошла к житнице, прихватив дерюжный мешок для зерна. Опустившись на корточки, женщина подлезла под строение и, слегка сместив задвижку сусека, подставила мешок, в который тонкой струйкой посыпались ржаные зёрна. Набрав половину, она вернула деревянную плашку на место и, пятясь, потащила мешок наружу.

Утерев вспотевший лоб, Веселина оглянулась. Неподалёку слышалось пение Миринки. Женщина улыбнулась. Хороший голос у её дочери, задушевный. Веселина, поднатужившись,

закинула тяжёлый мешок за плечо и неспешно пошла, присоединившись к пению дочки. Та, услышав мать, поднялась на ноги и приветливо помахала ей ручкой. Веселина лишь кивнула и, продолжая петь, зашла в избу.

Сбросив нелёгкую ношу на пол, она зачерпнула берёзовым туюском из мешка зёрна и подошла к жерновам. Засыпав необходимую порцию, женщина взялась за рукоять и принялась вращать массивные камни, перемалывая злаки в мучную пыль.

Намоллов достаточное количество, Веселина извлекла опарницу с остатками закисшего вчерашнего теста и всыпала туда небольшую часть муки, чуток разбавив её водой. Всё... теперь пусть постоит некоторое время, пока вновь не закиснет, а она покуда растопит летнюю печь и поставит томиться щи. Хватит с мужа пареной репы. Уважила она вчера дочку, которой ужас как хотелось приготовить для отца что-нибудь собственными руками. Веселина улыбнулась, вспомнив горящие глаза девочки, разминающей толкучкой печёную репу.

Васелина спустилась в голбец и наложила из деревянного бочонка немного квашеной капусты и вяленого мяса. Конечно, для щей лучше бы добыть свежего мяса, но в летнюю страду не до охоты. Зимой свежатины поедим.

Женщина спустила в варочный горшок овощное крошево и, приправив пахучими травами, поставила его в истопленную печь. Всё. К вечеру будет готово. Пора и тесто для хлеба замесить.

Снаружи послышался голосок дочери:

– Я всё сделала, мама.

Веселина выглянула в сени, вытирая руки о рушник.

– Молодец, дочка! Отдохни немного и сходи, пособирай ягодок, а я, пока тесто доходит, в хлеву уберу.

– Я не устала, мама!

Девочка схватила берестяное лукошко и вприпрыжку побежала на лесную опушку. Там разросся густой малинник, и Миринка решила, что сегодня она отца накормит сладкой ягодой-малиной.

Проводив взглядом дочку, Веселина отправилась в хлев. Взяв рогатину, женщина принялась выгребать из стойла навоз, выкидывая его через отверстие в задней части хлева наружу. Тут Яромир хорошо придумал. Он выкопал с обратной стороны стены сруба глубокий ров и вырезал отверстие во втором венце. Вот в него то и выталкивался навоз, который падал в яму. Когда она заполнялась, Веселина выгребала его оттуда и растаскивала по огороду, перемешивая с землёй

Сначала она это делала для того, чтобы избавиться от отходов, производимых скотиной. Но потом заметила, что в тех местах, где навоз смешивался с грунтом, овощи росли гораздо лучше. Раньше же они удобряли землю тем, что каждый год в местах посадки сжигали древесину. Оказалось, что отходы жизнедеятельности животных удобряли и размягчали почву ничуть не хуже древесной золы.

Закончив работу, Веселина ополоснула руки, слегка качнув умывальник, и направилась в избу. Тесто для хлеба уже достаточно поднялось, и пора было ставить его в печь. Клеть летней печи наполнял изумительный запах щей.

Женщина выложила тесто в глиняную чашу и поставила её рядом с горшком. Тепла нагретых стен глинокаменной печи должно было хватить для запекания каравая, но на всякий случай Веселина решила её подтопить. Она раздула горячие угли и подкинула несколько крупных сучьев. Затем закрыла устье заслонкой и вышла прочь. Солнце уже пробежало половину своего пути по небосклону, и земля была просто раскалена его палящими лучами.

«Гневается на нас Дажьбог, – подумала Веселина, прикрываясь ладонью от яркого света. – Давно мы не приносили дары на капище. Надо бы сходить туда завтра. Восславить богов. Дождя попросить».

Женщина выложила собаке остатки вчерашней репы и налила воды. Миринки всё ещё не было. Беспокоиться, конечно, пока нечего, но...

Веселина подозвала пса и что-то шепнула ему на ухо, потрепав по загривку. Умная животи́на, коротко гавкнув, неспешно потрусилась в сторону леса.

Хозяйка же занялась уборкой полавочников, расположенных по всему периметру избы на высоте полутора саженьей. Ещё с прошлой зимы там скопилось много коפותи, и пока не наступила следующая, её следовало вычистить.

Веселина достала из-под лавки скребок, скрученное в комок мочало и берестяной короб с рукоятью, сплетённой из лыковых волокон. Забравшись по приставной лестнице на настил, женщина приступила к работе, с трудом отскабливая толстый слой сажи и сметая её в подставляемую ёмкость. Короб быстро наполнялся, и женщине приходилось часто спускаться, чтобы вытряхнуть сажу в мешок.

Солнышко медленно, но неуклонно шествовало к завершению своего дневного пути. Дочки до сих пор не было. Сердце Веселины сжалось в нехорошем предчувствии. Со стороны малинника раздалось яростное брехание Сероухого и детский визг.

Женщина испуганно вскрикнула, выронив из рук мешок с сажей, который собиралась высыпать на гряды, и бросилась к воротам. Пробежав несколько шагов, она внезапно остановилась и, развернувшись, метнулась в хлев. Схватив тяжёлую рогатину, которой она совсем недавно убирала навоз, и взяв её наперевес, Веселина опрометью помчалась на лай собаки.

Верный друг человека из последних сил пытался противостоять неукротимой мощи хозяина леса – бурого медведя. Бок собаки был разодран в клочья, и куски плоти свисали рваными ошмётками, обнажив рёбра. Истекающий кровью пёс прыгнул вперёд и намертво вцепился клыками в заднюю лапу зверя, который уже почти подобрался к маленькой хозяйке, что лежала без чувств возле поваленного бурей исполинского дерева.

Медведь закрутился на месте, отбрасывая в сторону уже почти бездыханного защитника двуногих, и, развернувшись, вновь пошёл в сторону лакомой добычи. Внезапно на его пути появилось существо покрупнее и громко закричало, закладывая уши Топтыгину мерзким пронзительным звуком. Он помотал головой и встал на задние лапы, чтобы казаться выше и грознее. Из его глотки вырвался мощный рёв, от которого бросались в бегство звери. И побольше, чем это двуногое создание.

К его удивлению, существо и не собиралось кидаться наутёк. Оно стояло перед ним, широко расставив ноги, и продолжало кричать, раздражая и без того взбешённого хозяина леса. Медведь навис над двуногой тварью, намереваясь одним ударом могучей лапы вышибить дух из неё, но с большим удивлением обнаружил, что его молниеносный бросок наткнулся на неожиданное препятствие, которое причинило ему сильную боль.

Медведь заревел ещё громче и кинул тело вперёд, намереваясь сломить препятствие и всё-таки добраться до двуногого. Но его усилия ни к чему не привели. Наоборот, то, что впи́лось в его шкуру, проникало в плоть всё глубже и глубже. Зверь вдруг почувствовал непривычную слабость. Его некогда мощный организм внезапно обмяк, а большое сердце, ещё недавно пульсировавшее неукротимой яростью, перестало толкать жизненную силу и остановилось. Белый свет померк в остекленевших глазах лесного чудовища, так и не успевшего понять, что же с ним произошло.

Веселина, шатаясь, подошла к дочери и припала ухом к её груди. Услышав мерный стук, она с облегчением вздохнула и присела рядышком на траву, положив голову Миринки себе на колени. Чуть поодаль лежала туша огромного бурого медведя с торчащей в бок рогатиной. Как она сумела её удержать, когда зверь навалился всей своей массой, Веселина и сама не понимала. Такое и не каждому мужчине то было под силу, а не то, что слабой женщине.

Веселина уже полностью успокоилась и раздумывала над тем: войдёт ли всё мясо в ледник погреба или половину стоит обменять на необходимые для их жизни инструменты. В городище кривичей.

– Мама, что случилось?

Прервал ход её мыслей слабый голосок дочери. Девочка приподняла голову с подола матери и испуганно оглядывалась вокруг.

– Ничего, милая, всё в порядке... всё уже позади...

Успокоила она ребёнка, ласково поглаживая по светлой головке. Взор девочки наткнулся на убитого медведя, и она соскочила на ноги.

– Ух ты! Это ты его так?

Восторгу Миринки не было предела. Но вдруг что-то вспомнив, она заозиралась по сторонам, ища взглядом своего спасителя, первого бросившегося ей на выручку.

– А где Сероухий?

Веселина промолчала, не решаясь сказать правду. Внезапно Миринка заметила тело своего любимца, своего единственного друга, недвижно лежащего чуть поодаль. Она подбежала к собаке и горько заплакала, уткнувшись лицом в её лоб. Глаза пса, покрытые мёртвой поволокой, были устремлены в сторону своего грозного противника. Окровавленная пасть застыла в хищном оскале, а по траве тянулся кровавый след. Видимо, пёс до самого конца пытался ползти, чтобы защитить свою маленькую хозяйку.

Веселина подошла к дочери и подняла её с колен.

– Не плачь, милая, – ласково прошептала она, не переставая гладить её по голове, плечам, спине. – Теперь Сероухий в стране наших предков... он под покровительством наших родных и наверняка сейчас будет служить твоей двоюродной сестрёнке Ярине... ты ведь помнишь её?

Миринка кивнула, немного успокаиваясь.

– Мама, мы ведь сделаем для Сероухого погребальный обряд? – тихо спросила она Веселину.

– Конечно, милая. Вот дождёмся только отца и сделаем.

Яромир разделявал тушу медведя, размышляя над превратностями судьбы и дивясь удачливости своей жены. Впрочем, по здравому разумению, ничего удивительного в этом не было. С её неукротимой верой в помощь и заботу предков Рода можно было не только косолапого завалить. Хотя опаснее зверя в этих местах, пожалуй, и нет. Водилась ещё рысь, но она и в подмётки не годилась хозяину леса. Хорошо хоть серых разбойников в округе не было. Вот с теми-то ни пёс, ни жёнушка его отчаянная справиться точно бы не смогли.

Разрубив мясо на части и сложив его на волокуши, Яромир взял под уздцы коня и не спеша двинулся к дому. Веселина уже поджидала его возле погреба, расположенного в задней части подворья. Земляной вал надёжно защищал довольно глубокую яму от летнего солнцепёка. Плотный утрамбованный снег и мелкие куски льда, перемешанные с соломой, были заготовлены ещё зимой и до сих пор сохраняли низкую температуру в обширном приямке-леднике.

– Как Миринка? – спросил Яромир, подводя воз к подножию ледника.

– Плачет ещё... – вздохнула Веселина, стаскивая высохшие куски дёрна с твораила погреба.

Яромир взобрался на вал и, поднатужившись, поднял тяжёлую берёзовую крышку, открывая проход вглубь земляного хранилища.

– Я слезу вниз, а ты подавай мне вон те небольшие куски, – распорядился Яромир, спускаясь в погреб.

Веселина, не говоря ни слова, поспешила выполнить поручение мужа. Яромир навалил на лёд мяса в один слой и крикнул:

– Всё... хватит милая!

Выбравшись из ямы, он посадил крышку на место и закидал её дёрном

– Льда там мало осталось, – пояснил он своё решение. – Боюсь, до зимы не хватит... – и, покосившись на приличную грудку медвежатины, лежащую на волокушах, добавил. – Часть завялим, а остальное... остальное я завтра свезу к Бериславу и обменяю на железо.

Веселина лишь согласно кивнула, даже не уточняя, какое железо собрался брать её муж. Он мужчина и лучше знает, что им нужно для успешного ведения хозяйства.

– Помоги мне затащить волокуши под навес и приготовь мокрые куски ткани. А я тем временем крапивы нарву. Обложим мясо и, глядишь, к завтрашнему утру оно ещё не испортится и для обмена годным останется.

Женщина вновь кивнула и взялась за оглоблю. Вместе они заволокли поклажу под навес овина и отправились выполнять каждый свою часть работы.

Ужинала семья на этот раз без всякого веселья. Миринка всё ещё дула губки, вспоминая героически погибшую собаку, и нехотя пережёвывала кусок ржаного хлеба, изредка запивая его простоквашей. Ко щам она не притронулась вообще, хотя их аппетитный запах мог вызвать голод даже у мёртвого... не к ночи будет сказано. Супруги же настолько были измотаны сегодняшним днём, что тоже ели молча и почти без всякого удовольствия.

Миринка вскоре забралась на полати и уснула там чутким тревожным сном. Яромир с Веселиной, не зажигая лучины, легли на лавках и тихонько переговаривались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.